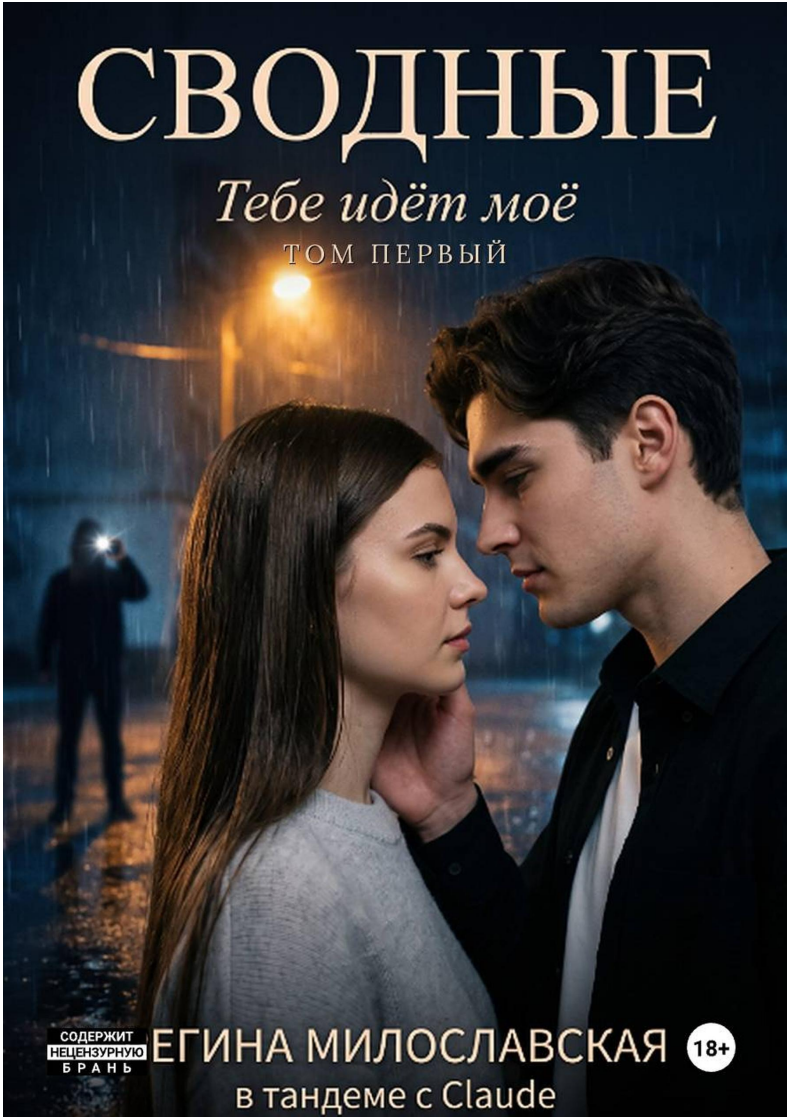

СВОДНЫЕ
Тебе идёт моё
ТОМ ПЕРВЫЙ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
ЕГИНА МИЛОСЛАВСКАЯ
18+
в тандеме с Claude

Регина Милославская

Сводные. Тебе идёт моё. Том первый

https://litres.ru/74954702
SelfPub; 2026

Аннотация

Он встретил меня на кухне словами «Это не твой дом». Я ответила: «И не твой». Меня зовут Аня, мне девятнадцать, и после маминой свадьбы я живу в доме отчима. Через стену от его сына. Марк Волков ненавидит меня с первой секунды. Пока на вечеринке не говорит при всех: «Она со мной». А потом — «Потому что ты моя». Потом — «Забудь». И поцелуй под дождём, после которого в темноте вспыхивает камера. А потом фото увидели наши родители. Меня выселили из дома, его лишили всего. А мы всё равно встречались по ночам, как преступники. До тех пор, пока я не увидела две полоски. И его бывшую — в его рубашке, в новогоднюю ночь. Он сказал: «Нам надо закончить». Я сказала: «Хорошо». И уехала на другой конец страны с его тайной под сердцем. Он никогда не узнает. Так я думала.

Содержание

Оглавление 5
Глава 1. Не твой дом 6
Глава 2. Ночь в коридоре 17
Глава 3. Неделя 26
Глава 4. Она со мной 38
Глава 5. На пороге 47
Глава 6. При всех 56
Глава 7. Забудь 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Регина Милославская
Сводные. Тебе идёт моё. Том первый

Сводные

Тебе идёт моё

Роман. Том первый

Регина Милославская

в тандеме с Claude

Оглавление

Глава 1. Не твой дом

Аня

Чемодан застрял колесом в щели между плитками, и я дёрнула его так, что ручка осталась у меня в ладони.

— Анют, да брось ты его, ради бога! — крикнула мама от машины, смеясь. — Виктор занесёт, он сильный, он сам хвастался!

— Я слышу, Оля, — отозвался Виктор из-за коробок. — И я не хвастался. Я констатировал.

Виктор уже нёс её коробки с посудой. Две сразу, одна на другой, и подбородком придерживал верхнюю. Пятьдесят один год, инфаркт полтора года назад, а он таскал коробки так, будто хотел кому-то что-то доказать. Наверное, мне.

Я посмотрела на оторванную ручку в своей ладони. Потом на дом.

Дом был слишком большой для трёх человек. Серый кирпич, панорамные окна, кованые фонари вдоль дорожки. На втором этаже в одном окне горел свет, хотя был полдень. Я тогда ещё не знала, что это его окно, и что свет там горит всегда — он спит при включённой лампе. Узнала позже. Много чего узнала позже.

Мама подошла, обняла меня за плечи и прижалась щекой к моему виску. Пахло от неё больничным антисептиком: она приехала прямо со смены, даже не переоделась толком.

— Ну? — шепнула она. — Только честно. Нравится?

В её голосе было столько надежды, что у меня защипало в носу.

— Мам, тут красиво, — сказала я. — Правда. Как в кино про богатых, где у всех проблемы, но зато газон ровный.

Она засмеялась — по-настоящему, запрокинув голову, как не смеялась года три. И я подумала: вот ради этого смеха я сюда и приехала. Ради него я буду говорить «красиво», даже если дом окажется склепом.

Я всегда говорила маме то, что она хотела услышать. Не потому, что врала. Просто после папы у неё и так было слишком много поводов плакать, и я давно решила, что не стану ещё одним.

— Анечка, — мама вдруг посерьёзнела и понизила голос, оглянувшись на Виктора. — Марк дома. Ты с ним… ну, ты помягче, хорошо? Не обижайся, если он что-то… Ему сейчас очень тяжело.

— Мам. — Я посмотрела на неё. — Мне девятнадцать. Я не собираюсь с ним драться на кухне за последний йогурт.

— Я знаю, знаю. — Она погладила меня по руке, но глаза у неё бегали. — Просто он… Он пока не принял. Ни меня, ни всё это. Дай ему время, ладно?

«Не принял» — это было очень мягкое слово. За полгода, что мама встречалась с Виктором, Марк не пришёл ни на один ужин, не ответил ни на одно мамино сообщение и не явился на роспись. На фотографиях из ЗАГСа рядом с Вик-

тором стоял только его заместитель с букетом, и мама потом весь вечер делала вид, что ей совершенно всё равно.

— Хорошо, мам, — сказала я. — Дам ему время. Сколько угодно времени.

Я подняла чемодан за колёса, как гроб, и понесла в дом.

* * *

Внутри было прохладно и тихо. Длинная прихожая, зеркало во всю стену, лестница наверх. Справа — кухня, огромная, с островом посередине. Я прошла туда, потому что хотелось пить, и потому что не хотелось стоять в прихожей одной, пока мама с Виктором шептались у машины.

На кухне кто-то был.

Он сидел на столешнице. Не на стуле, а прямо на мраморе, рядом с раковиной, свесив ноги в чёрных кроссовках. Пил молоко из пакета. Тёмные волосы торчали так, будто он только что встал, хотя был полдень. На брови — тонкий белый шрам, как трещина на фарфоре.

Он увидел меня и не перестал пить. Медленно допил, глядя мне прямо в глаза, смял пакет одной рукой и бросил в раковину. Промахнулся. Не стал поднимать.

— О-о, — протянул он с ленивым удовольствием, как будто ему принесли десерт. — А вот и приложение.

— Прости, что?

— Приложение. — Он лениво махнул пакетом в мою сторону. — Ну знаешь, как в рекламе: купи новую жену — получи дочку в подарок. Бесплатно. В комплекте. Отказаться

нельзя, папа уже подписал договор.

У меня загорелись уши. Я знала, что так будет. Я двести раз прокрутила эту встречу в голове, пока мама дремала у меня на плече в электричке. Я репетировала вежливое «привет, я Аня, рада познакомиться», репетировала улыбку, даже руку собиралась протянуть, как взрослая. И вся эта репетиция вылетела у меня из головы за одну секунду, как птица из открытой форточки.

— Стакан где? — спросила я.

Он поднял бровь со шрамом. Кажется, впервые искренне удивился.

— Серьёзно? Я тебя только что назвал приложением, а ты спрашиваешь, где стакан?

— Я с дороги, у меня в горле пустыня, и мне, честно говоря, всё равно, как ты меня называешь, — сказала я, и голос у меня, к моему собственному изумлению, не дрогнул. — Ты здесь живёшь. Ты знаешь, где стаканы. Так где?

Он смотрел на меня секунды три. Долго, внимательно, как будто прикидывал, сколько я стою. Потом кивнул на верхний шкаф справа, не отводя взгляда. И я поняла по его лицу: ждёт, что я не дотянусь. Что придётся просить.

Я дотянулась. Встала на носки, достала стакан, налила воды из-под крана и выпила половину, глядя ему в глаза. Руки дрожали, но совсем чуть-чуть, и я держала стакан двумя, чтобы он не заметил.

Он заметил. Я видела — заметил.

— Ты Марк, — сказала я, поставив стакан.

— Надо же, догадалась. Тебе за это зачёт поставят? — Он прищурился. — А ты, значит, отличница.

— С чего ты…

— Да у тебя на лбу написано, крупными буквами. — Он легко спрыгнул со столешницы, и вдруг оказалось, что он выше меня на голову, и кухня сразу стала меньше. — Сейчас угадаю. Красный диплом в школе. Бюджет. Стипендия. Мама тобой гордится и всем подругам показывает твою зачётку. В электричке ты читала что-нибудь умное, а не листала ленту. Ну? Угадал?

Угадал. Почти. Кроме того, что красного диплома у меня нет: в выпускном классе умер папа, и я завалила химию, потому что сидела на экзамене и смотрела в окно, а в голове было белое и пустое, как простыня. Но ему я этого говорить не собиралась. Ни сейчас, ни когда-либо.

— Ты закончил свой стендап? — спросила я. — Или будет второе отделение?

— Будет. — Он шагнул ближе. Не вплотную, на расстояние вытянутой руки, но мне всё равно захотелось отступить. Я вцепилась пальцами в край острова и не отступила. — Слушай меня внимательно, приложение, повторять не буду. Это не твой дом. Ты здесь гостья. Временная. Не трогай мои вещи, не заходи в мою комнату, не стучись ко мне вечером с вопросом, где лежит фен. Не жди, что я буду называть тебя сестрёнкой, водить в кино и защищать от хулиганов. Месяца

через три — ну, максимум через полгода — папа наиграется в семью, и вы с мамой уедете обратно туда, откуда приехали. Так что не распаковывайся особо.

Последнюю фразу он сказал почти ласково. И от этой ласковости мне стало по-настоящему больно. Не за себя. За маму, которая там, у машины, сейчас смеялась.

Я поставила стакан на остров. Аккуратно, без стука. Как будто он стеклянный и очень дорогой.

— И не твой, — сказала я.

— Что «не мой»?

— Дом. — Я подняла на него глаза. — Он и не твой тоже, Марк. Его купил твой папа. На свои деньги. Ты живёшь здесь ровно на тех же правах, что и я. Ты тоже приложение. Только тебя прилагали двадцать лет назад, а меня сегодня. — Я помолчала и добавила: — И я хотя бы сказала «спасибо», когда вошла. А ты даже пакет из-под молока не можешь в мусорку закинуть.

Тишина стала другой. Плотной, звенящей, как перед грозой. Я слышала, как в прихожей хлопнула входная дверь, как мама засмеялась чему-то, что сказал Виктор, как где-то в глубине дома тикают часы.

Марк медленно улыбнулся. Неприятно. Уголком губ. Но в глазах у него на секунду мелькнуло что-то другое — не злость. Интерес. Как будто я была задачкой, которую он не ожидал увидеть в учебнике для первого класса.

— Ну-ну, — сказал он тихо. — Смелая. Посмотрим, на-

долго ли. Продержишься здесь неделю — так и быть, удивишь.

— А если продержусь?

— Тогда я сам вынесу этот пакет, — сказал он. — Торжественно. При свидетелях.

И ушёл. Прошёл мимо так близко, что задел моё плечо своим. Не сильно. Ровно настолько, чтобы я поняла: это не случайно.

Я осталась стоять. Сердце колотилось где-то в горле. Посмотрела на смятый пакет в раковине. Подумала. Взяла его двумя пальцами и выбросила в мусорное ведро.

Не ради него. Просто терпеть не могу беспорядок.

И немножко — чтобы ему было нечего выносить через неделю.

* * *

— Ну что, познакомились? — Виктор заглянул на кухню, вытирая лоб рукавом. Посмотрел на меня, на пустую кухню, на стакан на острове. — Хотя по твоему лицу вижу, что да. Познакомились.

— Да, — сказала я, стараясь улыбнуться. — Он очень… прямолинейный.

Виктор поморщился так, будто у него разом заболели все зубы.

— «Прямолинейный» — это ты деликатно. Что он сказал? Нет, не говори, я догадываюсь. — Он тяжело вздохнул. — Я с ним поговорю. Сегодня же.

— Не надо, Виктор Андреевич. Пожалуйста.

Он посмотрел на меня с интересом. Глаза у него были такие же, как у сына, — тёмные, внимательные. Только у Виктора в них была усталость, накопленная годами, а у Марка — что-то острое, как битое стекло.

— Почему не надо? — спросил он.

— Потому что если вы с ним поговорите, он решит, что я нажаловалась в первый же час. — Я пожала плечами. — И тогда будет только хуже. Мы правда сами разберёмся. Честно.

Виктор помолчал. Потом впервые за всё время улыбнулся мне. Не вежливо, как на свадьбе, а по-настоящему.

— Знаешь, Аня, — сказал он, — ты первый человек за пять лет, который сказал мне, что сам разберётся с моим сыном. Обычно все просят, чтобы разобрался я. — Он махнул рукой к лестнице. — Ладно. Пойдём, покажу тебе комнату. Она светлая. Тебе понравится, я надеюсь.

Комната была на втором этаже, в конце коридора. Рядом с той, где горел свет.

— Здесь раньше была мастерская, — сказал Виктор, открывая дверь, и голос у него вдруг стал сухим и ломким, как старая бумага. — Мы… сделали ремонт. Новый шкаф, стол, всё новое. Если что-то не так — ты скажи. Не стесняйся. Это теперь твоя комната.

Он сказал «твоя» с таким усилием, будто поднимал что-то тяжёлое.

Комната и правда была светлая. Большое окно во двор, во дворе — кирпичная стена с натянутой гирляндой из круглых лампочек. Белый стол, белый шкаф, кровать с серым покрывалом. Пахло свежей краской и ещё чем-то, едва заметно, на самом краю. Скипидаром.

— Спасибо, — сказала я. — Правда. Очень красиво.

Виктор кивнул, постоял секунду на пороге, как будто хотел что-то добавить, но не добавил. Ушёл. И я наконец осталась одна.

Я села на кровать. Сняла с запястья папины часы — тяжёлые, мужские, с поцарапанным стеклом, они болтались у меня на руке, как браслет, — и подержала в ладони. Часы шли. Я заводила их каждое утро уже три года, ровно в семь, как он.

— Ну что, пап, — сказала я шёпотом. — Ты бы его видел. Сидит на столешнице, пьёт молоко из пакета и называет меня приложением. Ты бы ему уже лекцию прочитал про уважение к женщинам, да? На полчаса. С примерами из истории. — Я сглотнула. — Неделю продержимся, как думаешь?

Часы, конечно, не ответили. Только тикали. Тихо, упрямо, как он.

* * *

Вечером мама с Виктором уехали в магазин, а я разбирала вещи.

Шкаф был огромный, моих вещей хватило на треть. Я разложила свитера, повесила два платья — одно на выпускной,

второе синее, на всякий случай, с биркой, — поставила на полку книги. Блокнот положила на стол. В него я с двенадцати лет записывала фразы. Чужие и свои. Подслушанные в метро, вычитанные, приснившиеся. Папа говорил, что из меня выйдет журналистка, потому что я умею слушать, а это редкость. Я поступила на журфак. Он этого уже не увидел.

Я открыла блокнот на чистой странице и записала:

«Это не твой дом». — «И не твой».

Посмотрела. Подумала. Дописала ниже:

Продержаться неделю. Пусть выносит свой пакет.

Потом взялась за нижний ящик шкафа, чтобы убрать туда обувь. Ящик не выдвигался до конца. Я дёрнула сильнее, он выскочил целиком, и я села на пол вместе с ним.

Под ящиком, в щели между дном шкафа и полом, что-то лежало. Плоское, в пыли.

Я сунула руку и вытащила фотографию. Старую, напечатанную, с загнутым углом.

На ней была женщина. Светлые волосы, собранные карандашом в пучок, пятна краски на щеке, на руках — тоже краска, синяя и охристая. Она смеялась, запрокинув голову, а рядом, держась за её испачканную руку, стоял мальчик лет десяти. Тёмные волосы торчали во все стороны. Он смотрел не в камеру, а на неё. Так, как смотрят на солнце, когда ещё не знают, что от этого больно.

На брови у мальчика ещё не было шрама.

Я перевернула фотографию. На обороте карандашом бы-

ло написано: *«Марк и я. Мастерская. Самый лучший день»*.

Мастерская.

Я подняла голову и посмотрела на свою светлую комнату. На свежую краску. На новый белый стол, который поставили туда, где когда-то, наверное, стоял её мольберт.

Скипидар. Вот чем здесь пахло.

Мне отдали комнату его матери.

За стеной что-то глухо ударило — будто кто-то поставил на пол тяжёлое, или ударил кулаком. Потом стало тихо.

Я сидела на полу с фотографией в руках и вдруг очень ясно поняла, что неделя — это я себе сильно польстила.

Глава 2. Ночь в коридоре

Марк

Я ударил стену кулаком один раз и сразу пожалел. Не из-за руки. Из-за звука.

Стена между моей комнатой и мастерской всегда была тонкой. В детстве я лежал вот так же, на этой кровати, и слышал, как за стеной мама включает радио, как скрипит мольберт, как она ругается на краску, которая не ложится. Я засыпал под этот скрип.

Теперь за стеной шуршали пакеты, и кто-то тихо, неумело напевал. Отличница раскладывала вещи. В маминой комнате.

Отец сказал мне об этом за ужином неделю назад. Я ел, он говорил. «Мастерскую отдадим Ане, там светло, ей надо учиться». Я положил вилку и спросил, почему не гостевую. Он ответил, что гостевая маленькая. Я спросил, а куда делись мамины картины. Он ответил, что убрал на чердак. Я спросил, не выкинул ли он и их тоже, как выкинул её.

Он встал из-за стола и ушёл. Это у нас так называется разговор.

Я достал из кармана зажигалку. Серебряную, тяжёлую, с гравировкой — две буквы, «И» и «В». Инна Волкова. Мама не курила, она поджигала ей фитили в лампах и иногда, задумавшись, просто щёлкала крышкой. Щёлк-щёлк. Я тоже

не курю. Но щёлкаю.

Щёлк.

Мне было пятнадцать, когда она ушла. Я пришёл из школы, а на кухне сидел отец, и перед ним стояла пустая чашка. Он сказал: «Мама уехала. Она не вернётся». Я спросил куда. Он сказал: «Это неважно». Я спросил почему. Он сказал: «Так бывает».

Так бывает.

А полтора года назад, после инфаркта, в его телефоне появилась Ольга. Медсестра. Я видел их сообщения, «спасибо, что вы рядом», «вы вернули меня к жизни». Только появилась она не тогда. Контакт «Оля, кардиология» был в его телефоне ещё до того, как ушла мама. Я нашёл его через неделю после её ухода, когда искал в отцовском телефоне хоть что-нибудь — её новый номер, адрес, что угодно. Нашёл чужую женщину. Я знаю, как это выглядит. Я не дурак. Значит, она была раньше. Значит, мама ушла не просто так.

Щёлк.

И теперь эта женщина спала в маминой спальне, а её дочь — в маминой мастерской.

* * *

Ночью я спустился за водой.

Было два часа. Свет в коридоре не горел, только полоска из-под моей двери. Я шёл босиком, по памяти: третья ступенька скрипит, перила холодные. Я знал этот дом наизусть. Я мог пройти его с закрытыми глазами.

Поэтому я не ожидал, что в темноте на кого-то налечу.

Она вышла из-за угла, со стороны ванной, и мы столкнулись лбами. Буквально. Она охнула, я выругался, что-то мокрое шлёпнулось мне на ногу. Я машинально схватил её за плечо, чтобы не упала, и под пальцами оказалась горячая после душа кожа и тонкая бретелька.

— Ты… — прошипела она, хватаясь за лоб. — Ты вообще смотришь, куда идёшь?!

— Я? — Я тёр собственный лоб, в глазах плясали искры. — Это мой дом, я тут двадцать лет хожу в темноте с закрытыми глазами. Это ты шатаешься ночью, как привидение. Без звука. Без света. Ты что, решила меня до инфаркта довести, как папу?

— Я не знаю, где здесь выключатель! — Шёпот у неё срывался на писк. — Я полчаса шарила по стенам! У вас тут коридор длиной с футбольное поле!

— Справа. На уровне плеча. Как во всех нормальных домах на этой планете.

Я нащупал выключатель. Щёлкнул.

Зря.

Отличница стояла передо мной в майке и коротких пижамных шортах, с мокрыми волосами, которые закрывали ей пол-лица. Полотенце лежало у меня на ноге. Она смотрела на меня снизу вверх, и глаза у неё были карие, тёмные, злые. Щека покраснела там, где мы стукнулись.

Я убрал руку с её плеча. Как будто обжёгся.

— Может, отдашь моё полотенце? — сказала она ледяным голосом и скрестила руки на груди. — Или ты теперь и полотенца в этом доме коллекционируешь?

Я поднял его и протянул. Она выдернула его, не касаясь моих пальцев, и прижала к груди, как щит.

— У тебя кровь, — сказала она вдруг. Совсем другим голосом. Тише.

— Что?

— На руке. — Она кивнула. — Костяшки разбиты.

Я посмотрел. Кожа на костяшках правой руки была содрана, неглубоко, но кровь подсохла тёмными полосками. Стена.

— Порезался, — буркнул я. — Бумагой. Острая попалась.

— Бумагой. — Она смотрела прямо на меня, не моргая. — Об стену, Марк. Я слышала. Стена у нас с тобой общая, если ты не знал. Ты ударил так, что у меня полка с книгами подпрыгнула.

Вот это мне не понравилось. Совсем не понравилось. Что она слышала. Что она вообще смеет что-то про меня слышать. Что у нас с ней что-то «общее», пусть даже стена.

— Слушай, отличница, — сказал я тихо. — Иди спать. По-хорошему. Тебе завтра рано вставать, у тебя же наверняка пары с восьми, ты же такая вся правильная.

— Подожди. — Она не сдвинулась с места. Только сильнее вцепилась в полотенце. — Я не за водой шла. Я тебя ждала. Я нашла кое-что. Твоё.

— У меня ничего нет в твоей комнате. Там вообще ничего нет. Там ремонт. Свежая краска и белый шкаф из «Икеи».

— Есть, — сказала она. И добавила тихо: — Было.

Она развернулась и пошла к себе. Я стоял в коридоре под лампой и почему-то не уходил. Потом пошёл за ней. Остановился на пороге. Я не заходил в эту комнату полгода, с тех пор как отец вызвал рабочих. Дверь была приоткрыта, внутри горел ночник, и пахло уже не скипидаром, а чем-то чужим. Шампунем. Яблоком, кажется.

Она стояла у стола и держала в руках фотографию.

Я узнал её сразу. Ещё до того, как увидел лица. По загнутому углу. Я искал эту фотографию два года. Перерыл весь дом. Думал, отец выбросил её вместе со всем остальным.

— Кто она? — спросила Аня тихо. — Она такая… Она так смеётся. Я никогда не видела, чтобы взрослые так смеялись.

Я не помню, как оказался рядом. Помню только, что выхватил фото из её рук — резко, так что она отдёрнула пальцы, будто я её ударил, — и что сердце колотилось где-то в горле.

— Не твоё дело, — выдохнул я. — Слышишь? Вообще не твоё дело.

— Я не хотела, честное слово, я просто…

— Где ты её взяла? — Я почти кричал шёпотом. — Ты рылась? Ты лазила по ящикам? Первый день здесь — и уже…

— Под шкафом! — Она тоже повысила голос и тут же испуганно оглянулась на дверь. — Под шкафом, в щели, —

повторила она шёпотом, быстро, сбивчиво. — Я выдвигала нижний ящик для обуви, он выпал, а там, под ним, на полу — она. В пыли. Я не рылась в твоих вещах, Марк. Я бы никогда. Я просто подумала… Я подумала, что если бы это была моя фотография, я бы хотела её найти. Вот и всё.

Я смотрел на фотографию. Мама смеялась. Краска на щеке. Я держу её за руку.

Самый лучший день. Я помнил этот день. Мы красили стену в мастерской в цвет, который мама называла «закат над морем», а отец — «грязная морковь». Мама перемазала меня с ног до головы, и мы смеялись так, что у меня болел живот.

Значит, она уронила её туда. Или спрятала. Перед тем как уйти.

— Это твоя мама? — спросила Аня. Совсем тихо. Как спрашивают в больнице.

Я поднял глаза.

Она стояла совсем близко, в своей дурацкой пижаме, мокрая, с красной щекой, и смотрела на меня без страха. Без жалости. Это было хуже всего: если бы там была жалость, я бы знал, что сказать. Я бы сказал что-нибудь такое, после чего она заплакала бы и больше никогда не подошла ко мне.

Но там не было жалости. Там было внимание. Как будто она слушала не слова, а то, что под ними.

— Значит, так, — сказал я, и голос у меня, к моему ужасу, сел. Я откашлялся. — Слушай правила. Не задавай мне во-

просов. Никаких. Не заходи ко мне. Не трогай ничего в этом доме, что тебе не принадлежит. И никому, слышишь, никому не говори, что нашла это. Особенно отцу. Особенно ему.

— Почему? — Она нахмурилась. — Почему особенно ему?

— Потому что я так сказал.

Она помолчала. Пожевала губу. Я видел, как ей хочется спросить ещё. Как вопрос буквально висит у неё на языке.

Она его проглотила.

— Хорошо, — сказала она. — Про фото не скажу. Никому.

— Вот и умница. — Я уже отвернулся к двери. — Видишь, можешь, когда хочешь.

— Но не потому, что ты так сказал, — бросила она мне в спину.

Я остановился. Медленно обернулся.

— Да неужели? А почему же тогда, интересно?

— Потому что это твоё, — сказала она просто. — А не моё. И не его. Твоё. Я не трогаю чужое, Марк. — Она помолчала и добавила, глядя мне прямо в глаза: — В отличие от некоторых, кто называет людей приложениями в первую минуту знакомства.

Я хотел ответить. Что-нибудь злое, острое, чтобы последнее слово осталось за мной. Открыл рот.

Она смотрела на мою руку. На фотографию, которую я сжимал так, что загнулся ещё один угол.

Я разжал пальцы. И ничего не ответил.

— Спокойной ночи, приложение, — сказал я наконец. Без злости. Почти устало.

— Спокойной ночи, Марк.

Она произнесла моё имя так, будто ставила точку. Аккуратную, круглую, как у отличницы в тетради. Я вышел и закрыл за собой дверь чуть громче, чем нужно.

* * *

В своей комнате я положил фотографию на стол, разгладил углы. Посидел. Потом убрал её в ящик, под альбом с набросками.

Лампа горела, как всегда. Я не выключаю свет с пятнадцати лет. Психолог, к которому отец водил меня полгода, сказал, что это нормально. Я сказал психологу, что он идиот. Мы расстались.

За стеной было тихо. Потом скрипнула кровать. Потом я услышал её голос — совсем тихий, почти шёпот, но стена тонкая, я же говорю.

— Спокойной ночи, пап.

Я лежал и смотрел в потолок.

Ей не с кем было разговаривать, кроме того, кого нет. Как и мне.

Я перевернулся на бок, лицом к стене, и почему-то долго не мог заснуть. А когда наконец заснул, мне приснилась мастерская, и мама у мольберта, и стена цвета «закат над морем». Только когда мама обернулась, у неё были карие глаза.

Я проснулся в шесть утра злой как чёрт.

И понял, что впервые за пять лет заснул под чужое дыхание за стеной, а не под щелчки маминой зажигалки.

Глава 3. Неделя

Аня

В понедельник Марк уехал в университет в семь двадцать. Я видела из окна, как тёмно-синяя машина выкатывается за ворота, и успела подумать, что нам, вообще-то, в одно и то же здание. Почти. Его архитектурный корпус стоял через двор от нашего журфака, и Виктор ещё вчера сказал за ужином: «Марк будет тебя возить, правда, Марк?»

Марк тогда кивнул. Не поднимая глаз от тарелки.

Я пошла на электричку. Сорок минут до вокзала, потом метро. Опоздала на первую пару на семь минут, и преподаватель по истории зарубежной литературы, сухой как вобла Лев Аркадьевич, проводил меня взглядом до последнего ряда.

— Соколова, — сказал он, растягивая слоги, как жвачку. — Какая честь. Надеюсь, в следующий раз Шекспир дождётся вас вовремя. Он, знаете ли, человек занятой. Был.

Кто-то засмеялся. Громко, с удовольствием. Я села, достала тетрадь и прикусила щёку изнутри так, что почувствовала вкус крови.

— Эй. Не парься, — шепнули слева. — Серьёзно. Он так со всеми. Меня в прошлом году назвал «опоздавшим Гамлетом» на весь поток. Я потом полгода был Гамлетом. Даже в столовой. «Гамлет, тебе пюре или макароны?» Кошмар.

Я повернулась. Светлые волосы, круглые очки, свитер с оленями. На парте перед ним лежал фотоаппарат — большой, тяжёлый, со вспышкой, привинченной сверху, как фонарь шахтёра.

— Кирилл, — сказал он и протянул руку. Ладонь была тёплая и немного влажная. — Мы с тобой в одной группе с первого курса. Ты, наверное, не помнишь. Меня вообще мало кто помнит, я привык.

Я честно не помнила. Первый курс у меня прошёл как в тумане. Мама тогда работала на полторы ставки, я подрабатывала по вечерам в кофейне, а на парах засыпала, подперев щёку кулаком.

— Аня. Прости, что не помню. Правда.

— Да ладно. Я-то тебя помню. — Он улыбнулся. Улыбка была хорошая, немного смущённая. — Ты в прошлом году написала эссе про Чехова, «Человек в футляре и человек без футляра». Его зачитывали на семинаре, а ты сидела красная, как помидор, и смотрела в парту. Я тогда подумал: вот бы мне хоть раз так написать. Хоть один абзац.

Мне стало тепло и неловко одновременно. Как будто меня неожиданно погладили по голове.

— Спасибо. Это… Это очень приятно слышать. Правда.

— Слушай, а ты не хочешь к нам в студгазету? — Он оживился и постучал пальцем по фотоаппарату. — Я там фотограф. Нам до зарезу нужны люди, которые умеют писать не про погоду и не про «итоги спартакиады». У нас главред ско-

ро бороду себе вырвет от тоски.

— Я подумаю. Честно.

— Подумай. Обязательно подумай. — Он навёл на меня камеру, и я не успела отвернуться. Щёлк. Вспышка, к счастью, не сработала. — Для архива! Не бойся, я никуда не выложу. Просто… у тебя сейчас было такое лицо. Как будто ты одновременно хочешь заплакать и убить Льва Аркадьевича. Это очень фотогенично.

Я невольно засмеялась. Лев Аркадьевич постучал ручкой по кафедре, и мы замолчали.

* * *

На большой перемене меня нашла Даша.

Даша — это ураган в человеческом обличье. Рыжая, в джинсовке с нашивками, с голосом, который слышно в соседнем корпусе. Мы дружили с первого курса, с того дня, как она пролила на меня кофе в очереди в столовой и в качестве извинения купила мне три пирожка. «С капустой, с картошкой и с вишней, — сказала она тогда. — Чтобы ты могла выбрать, какой из меня человек».

— Ну?! — заорала она на весь двор, плюхаясь рядом со мной на скамейку. Голуби разлетелись. — Рассказывай! Немедленно! Всё! Дом! Отчим! Брат!

— Тише ты! — Я дёрнула её за рукав. — Он не брат.

— Ой, я тебя умоляю. Сводный. Тем лучше, между прочим, — с генетикой всё чисто. — Она пошевелила бровями так выразительно, что я поперхнулась. — Ну? Он горячий?

Скажи мне, что он горячий, Анька, иначе я не переживу этот семинар по стилистике.

— Даша!

— Значит, горячий. — Она с довольным видом откусила от моего пирожка. — Ты покраснела. Аня. Ань. Ты покраснела! До ушей! Ты вся пунцовая!

— Мне жарко!

— Сейчас плюс двенадцать, солнышко. Люди в шарфах ходят.

— Он назвал меня приложением, — выпалила я. — В первую же минуту. «Приложение к новой жене папы. Бесплатно, в комплекте». Сидел на столешнице и пил молоко из пакета, как… как…

— Как горячий мерзавец, — закончила Даша мечтательно. — Ох, Анька. Это начало великой истории. Я чувствую. У меня на такие вещи нюх.

Я хотела ответить что-нибудь язвительное, но Даша вдруг замолчала и уставилась мне за плечо. Глаза у неё стали круглые. Я обернулась.

Через двор шёл Марк. С ним были двое: высокий парень в кожаной куртке, с зализанными назад светлыми волосами и сигаретой за ухом, и девушка. Девушка была такой красивой, что на неё было неудобно смотреть. Платиновое каре, длинное бежевое пальто, ноги от ушей. Она держала Марка под руку и что-то говорила ему в ухо, а он слушал с тем же выражением, с каким вчера смотрел в тарелку.

— Это он?! — шепнула Даша, вцепившись мне в локоть.

— Он.

— Мать моя женщина, — выдохнула Даша. — Ань. Ань, ты понимаешь, с кем ты живёшь? А это Лера Миронова, у её папы половина Подмосковья застроена. А это Влад Громов, у его отца сеть автосалонов. Это же самая токсичная компания всего универа! Про них легенды ходят! Они на прошлый Новый год сняли целый этаж в «Ритце», а потом их оттуда выгнали!

— Теперь буду знать, — пробормотала я.

Марк нас видел. Я знаю, что видел, потому что на секунду его взгляд задержался на моём лице. А потом скользнул дальше, как по пустому месту. Как по скамейке. Как по голубю.

Лера проследила за его взглядом. И остановилась.

— Подождите-ка, — сказала она своим, сладко и звонко, и пошла к нам. Каблуки цокали по плитке, как метроном.

— Ой-ой-ой, — пробормотала Даша. — Ань, держись. Сейчас будет больно.

Лера встала передо мной. От неё пахло дорогими духами, чем-то сладким и дымным.

— Привет, — пропела она. — Ты же Аня, да? Сводная Волкова?

— Аня, — сказала я. — Просто Аня. Соколова. Без «сводной».

— Ми-и-илая. — Она улыбнулась, и улыбка не дошла до

глаз, остановилась где-то в районе скул. — Я Лера. Слушай, я дам тебе один совет. Просто по-женски, без обид, хорошо? Я правда хочу как лучше. — Она наклонилась ближе. — Не влюбляйся.

— В кого?

— Ой, не надо. — Она даже не обернулась на Марка. — В него, солнышко. В него все влюбляются. Все. Первокурсницы, официантки, преподавательница по английскому, клянусь, я сама видела. А он этим пользуется. Берёт, что хочет. А потом выбрасывает, как пакет из-под молока. — Она помолчала и добавила тише, с каким-то странным надломом: — Я тебе это говорю как человек, который знает. Поверь.

Я смотрела на неё. На идеальную помаду. На бриллиантик в ухе. На пальцы, которые чуть-чуть дрожали на ремешке сумки.

— Спасибо за заботу, Лера, — сказала я. — Правда. Очень трогательно. Но у меня в планах на этот год сессия, а не Марк. Можешь не волноваться. Он весь твой. Вместе с пакетами.

Даша рядом издала звук, похожий на сдавленное «хрюк».

Лера рассмеялась. Звонко, красиво, на весь двор. Только глаза остались холодными.

— Посмотрим, Аня-просто-Аня, — сказала она. — Посмотрим.

И ушла, цокая каблуками.

Даша медленно выдохнула. Как будто всё это время не ды-

шала.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сделала? — прошептала она с ужасом и восторгом одновременно.

— Что?

— Ты ей ответила. Ты Мироновой ответила! Ей никто не отвечает, Ань! Никто! Ей однажды декан ответил — и через месяц у декана в кабинете сделали ремонт за счёт её папы, и он теперь с ней здоровается первым!

Я посмотрела через двор. Марк стоял у входа в архитектурный и смотрел прямо на меня. Влад что-то ему говорил, размахивая руками, а он не слушал. Просто смотрел. Потом Лера подошла, взяла его под руку, и он отвернулся.

* * *

Остаток недели прошёл как по расписанию.

Марк уезжал в семь двадцать. Я ездила на электричке. Ужинали мы вчетвером, и за ужином Марк разговаривал только с отцом и только о деньгах на бензин. Мама пыталась спрашивать его про учёбу — «Марк, а что вы сейчас проектируете?», «Марк, а у вас уже была практика?» — он отвечал односложно: «Дом». «Нет». «Не знаю». Я молчала и ковыряла вилкой гречку.

В среду мама не выдержала.

— Марк, — сказала она при всех, отложив вилку, и голос у неё был такой осторожный, будто она шла по тонкому льду. — Может, ты всё-таки будешь подвозить Аню? Вам же в одно место. А ей так далеко на электричке, она встаёт в шесть,

бедная, у неё круги под глазами…

— Ей полезно гулять, — сказал Марк, не поднимая головы. — Свежий воздух. Для цвета лица.

Виктор положил вилку на стол. Медленно. С тихим стуком, от которого у меня по спине побежали мурашки.

— Марк, — сказал он.

Я испугалась, что сейчас начнётся. Что Виктор скажет что-нибудь, Марк ответит, и всё это рухнет мне на голову, и мама опять будет плакать в ванной, думая, что я не слышу.

— Мне правда нормально! — сказала я быстро, слишком громко. — Честно! Я в электричке читаю. Я там больше читаю, чем дома. Мне правда очень удобно, Виктор Андреевич, не надо, пожалуйста.

Мама посмотрела на меня. Долго. Я улыбнулась ей самой лучшей своей улыбкой, той, которой я три года говорила «всё хорошо». Мама вздохнула и больше не спрашивала.

Марк поднял глаза. Впервые за весь ужин. Посмотрел на меня через стол — коротко, остро, как будто я сделала что-то, чего он совсем не ожидал. Потом снова уткнулся в тарелку.

Ночью я снова слышала, как за стеной щёлкает что-то металлическое. Щёлк. Щёлк. Как часы, только неровно. Как сердце, которое сбивается.

В четверг вечером, когда я вышла из душа, на ручке моей двери висел пакет. Бумажный, из кофейни возле универа. Внутри лежал круассан с миндалём — ещё тёплый — и за-

писка, нацарапанная карандашом на салфетке. Без подписи.

«Электричка 7:52 отменена до понедельника. Ремонт путей. 7:15 у ворот. Не опаздывай».

Почерк был резкий, буквы наклонены вперёд, как будто куда-то бежали.

Я стояла в коридоре в полотенце и улыбалась, как дура. Потом посмотрела на его закрытую дверь. Полоска света под ней. Тишина.

— Спасибо, — сказала я шёпотом. Двери. Не ему.

Из-за двери ничего не ответили. Но щёлканье зажигалки прекратилось.

Я съела круассан, сидя на кровати. Он был очень вкусный.

В пятницу в семь пятнадцать я стояла у ворот. Синяя машина выехала из гаража, остановилась рядом. Стекло опустилось.

— Садись, — сказал Марк. — И молчи. Я серьёзно. Ни слова. Если ты скажешь «спасибо», я тебя высажу на МКАДе.

Я села. И молчала все сорок минут. Он тоже. Играло радио, что-то старое, гитарное. Один раз он потянулся переключить, и его рука задела моё колено. Он убрал её так быстро, что машина вильнула, и сзади кто-то возмущённо засигналил.

— Чёрт, — сказал он сквозь зубы. Не мне. Себе.

На парковке он вышел первым и пошёл к корпусу не оглядываясь.

— Спасибо за круассан! — крикнула я ему в спину. Громко. На всю парковку.

Он не обернулся. Но остановился. На секунду. Совсем на чуть-чуть. Плечи у него дрогнули — то ли от смеха, то ли от злости.

А потом пошёл дальше.

* * *

— Вечеринка! — Даша ворвалась в библиотеку в пятницу вечером так, что библиотекарша уронила очки. — Сегодня! «Кислород», лофт на Бауманской, посвят второго курса. Ты идёшь. Это не обсуждается. Это приговор.

— Тише ты, нас выгонят. Я не иду. У меня реферат.

— Реферат у тебя до вторника, я видела твоё расписание, не ври мне в лицо. — Даша села на край моего стола и сложила руки на груди. — Ты идёшь, потому что ты три месяца не была нигде, кроме пар, кофейни и кладбища. Три месяца, Ань. Это ненормально. Это не жизнь. Это… это какой-то монастырь строгого режима.

Я замолчала. Даша была единственной, кому я рассказывала про кладбище.

Она поняла, что сказала. Лицо у неё сразу стало другим. Мягким.

— Прости, — сказала она тихо и взяла меня за руку. — Прости, Анют. Я дура. Но правда. Один вечер. Один-единственный. Я буду рядом, честное слово, никуда не уйду. Ты наденешь то платье, синее, которое висит у тебя с биркой,

как в музее. И тебе будет хорошо. Тебе можно, чтобы было хорошо. Слышишь? Тебе можно.

Синее платье висело в шкафу на всякий случай.

Видимо, случай настал.

* * *

«Кислород» оказался бывшим заводским цехом с кирпичными стенами, гирляндами и музыкой, от которой дрожал пол. Людей было столько, что приходилось протискиваться боком. Даша почти сразу увидела кого-то из своих, закричала «Ой, Ленка!» и исчезла с обещанием «я на минутку, на одну минуточку, стой тут!».

Я стояла у стены со стаканом колы и чувствовала себя как стул, который забыли убрать после концерта.

Марка я увидела через двадцать минут. Он стоял у бара с Владом. Лера сидела на барной стойке, болтала ногами и смеялась. Он был в чёрной рубашке с закатанными рукавами, и на правой руке я разглядела пластырь на костяшках.

Он меня тоже увидел. Точно увидел. Его лицо изменилось. Не знаю, как описать. Как будто кто-то выключил на секунду звук.

Он смотрел на моё синее платье.

Я отвернулась первой. Щёки горели.

— Скучаешь, красивая?

Голос был над самым ухом, горячий и пахнущий пивом. Я дёрнулась. Рядом стоял парень. Высокий, плотный, с короткой стрижкой и красным лицом. Старше. Пятый курс, навер-

ное, или вообще не наш.

— Нет, спасибо, — сказала я и попыталась улыбнуться вежливо и холодно, как учила мама: «Отказывай вежливо, но твёрдо, Анечка». — Я не скучаю. Я жду подругу. Она сейчас подойдёт.

— Вот и отлично. Подождём вместе, — сказал он и придвинулся. — Чего одной-то стоять, как сирота.

— Я сказала «нет». — Голос у меня дрогнул. — Пожалуйста, отойдите.

— Да ладно, ты чего такая колючая? — Он улыбнулся. Зубы ровные, белые, а глаза пустые, как у рыбы на прилавке. — Я ж ничего такого. Потанцуем — и всё. Один танец, красивая. Ну?

Я хотела отойти. Шагнула в сторону. Но он шагнул тоже, и его ладонь легла мне на талию. Тяжёлая, влажная, через тонкую ткань платья. Пальцы сжались. Больно.

Я замерла.

Не от страха даже. От того, что в голове стало пусто и белое, как лист. Я знала, что надо оттолкнуть, крикнуть, ударить каблуком по ноге — я сто раз читала, что надо делать. Я даже статью однажды писала для школьной газеты, «Как защитить себя». А тело не двигалось. Совсем. Как будто меня выключили из розетки.

— Вот и умница, — сказал он мне в ухо и потянул к себе.

Глава 4. Она со мной

Марк

Я пришёл в «Кислород», потому что Влад сказал: «Будет весь второй курс». Я сказал, что мне плевать на второй курс, на третий и вообще на все курсы, вместе взятые. Влад посмотрел на меня как на ребёнка, который с шоколадом на щеках клянётся, что не трогал конфеты, и сказал: «Ну да. Конечно. Плевать. Поэтому ты третий раз спрашиваешь, во сколько начало».

Она пришла в синем платье.

Я видел его в шкафу. Нет, я не заходил к ней. Просто однажды дверь была открыта, а я проходил мимо, и шкаф тоже был открыт, и там висело синее платье и чёрное. Синее было на вешалке с биркой. Я тогда подумал: никогда не надевала. Интересно, куда.

Вот куда.

— Ты на неё пялишься, — сообщил Влад, наклонившись к моему уху.

— Я пью.

— Ты пьёшь колу, Волков. Без всего. Как пятиклассник на дискотеке. И пялишься на неё так, что сейчас дырку в ней прожжёшь. — Влад отпил из своего стакана и задумчиво прищурился. — Я тебя не осуждаю, честно. Тихоня очень даже ничего. Я бы даже сказал — очень. Ноги вон какие…

— Заткнись. — Я повернулся к нему. — Ещё одно слово про её ноги, и твои будут в гипсе.

Влад поднял ладони и заткнулся. Но ухмыльнулся до ушей. Влад — мой лучший друг с первого класса, и он единственный человек на свете, который умеет ухмыляться так, что хочется одновременно дать ему в челюсть и рассказать ему всё.

— Ого, — сказал он тихо. — Ого-го. Всё ещё хуже, чем я думал.

— Ничего не хуже.

— Конечно. Ничего. Ты просто готов сломать мне ноги за комплимент твоей сводной сестре. Совершенно нормальная братская реакция.

Лера болтала ногами на стойке и рассказывала, как её отец купил ей лошадь. Арабскую, белую, по имени Шахерезада. Я кивал. Я не слышал ни слова.

Аня стояла у стены одна. Подруга, рыжая, бросила её через пять минут. Она держала стакан двумя руками, как тогда на кухне. Я уже знал этот жест. Когда ей страшно, она держит вещи двумя руками.

Потом к ней подошёл Шевцов.

Я знал Шевцова. Все знали Шевцова. Пятый курс, отчислен и восстановлен дважды, отец в министерстве. Шевцов ходил на все посвяты второго курса не потому, что ему нравилась музыка.

Я видел, как он что-то говорит ей в ухо. Видел, как она

отступает на шаг. Видел, как его рука ложится ей на талию.

Видел её лицо.

Белое. Совсем белое, и глаза пустые, как у человека, который стоит на краю платформы и не может пошевелиться.

Я поставил стакан на стойку. Кажется, он упал. Лера что-то сказала — кажется, «Марк, ты куда, я же не договорила про Шахерезаду!». Я не услышал.

* * *

До них было метров пятнадцать и человек тридцать. Я не помню, как я прошёл. Помню, что кого-то толкнул плечом, и этот кто-то облил себя пивом и заорал мне вслед что-то матерное, и мне было всё равно.

— …Вот и умница, — говорил Шевцов и тянул её к себе.

Я положил руку ему на запястье. Ту, что лежала у неё на талии. Сжал.

— Убери. Руку.

Шевцов повернулся. Глаза мутные, красные. Узнал. Ухмыльнулся.

— О, Волков! Здоро́во. Иди погуляй, а? Не видишь — мы танцуем.

— Она не танцует. — Я сжал сильнее. — Ты что, глухой? Она тебе сказала «нет». Я слышал. Весь клуб слышал.

— А тебе-то какое дело, а? — Он попытался выдернуть руку. Не смог. Перестал ухмыляться. — Ты кто ей вообще такой? Охранник? Папочка?

Я сжал ещё сильнее. Есть точка на запястье, если на неё

надавить, пальцы разжимаются сами. Мне это показал тренер по боксу, к которому я ходил два года, после того как ушла мама. Я тогда очень много дрался.

Шевцов зашипел от боли. Пальцы его разжались. Я убрал его руку с её платья, как убирают с подушки таракана.

— Она со мной, — сказал я.

Шевцов посмотрел на меня. Потом на неё. Потом снова на меня. Вокруг стало тихо, насколько может быть тихо там, где гремит бас: люди замолчали, кто-то достал телефон.

— С тобой? — Он вдруг заржал, громко, на публику. — Это ж твоя новая сестричка, Волков! Все знают! Папочка женился, и в комплекте девочка прилетела! Ты чего, совсем двинулся, на сестричку…

Я шагнул к нему. Ничего не сделал. Просто шагнул. Я выше Шевцова на полголовы, и, кажется, у меня было такое лицо, что он не стал договаривать. Смех застрял у него в горле, как кость.

— Слушай меня внимательно, Шевцов, — сказал я тихо. Так тихо, что ему пришлось наклониться, чтобы услышать. — Ещё раз подойдёшь к ней. Ещё раз хоть пальцем тронешь. Ещё раз скажешь про неё хоть одно слово. И тебя отчислят в третий раз. По состоянию здоровья. Навсегда. Понял меня?

Шевцов отступил. Пробормотал «да больной ты, Волков, лечиться тебе надо» и растворился в толпе, держась за запястье.

Я повернулся к ней.

Она так и стояла у стены. Стакан колы в двух руках. Смотрела на меня снизу вверх. Губы приоткрыты. Она дышала часто и мелко, как будто бежала.

— Пошли, — сказал я.

Она не двигалась.

Я взял у неё стакан и поставил на подоконник. Потом взял её за руку. Ладонь была ледяная, пальцы мокрые от конденсата и дрожали так, что я почувствовал эту дрожь всей рукой, до локтя.

— Эй, — сказал я тише. Совсем тихо. — Всё. Слышишь? Всё закончилось. Он ушёл. Пошли отсюда, Аня.

Она подняла на меня глаза. Я впервые назвал её по имени. Не знаю, почему. Вырвалось само, как выдох.

Она пошла.

* * *

На улице было холодно и тихо, только бас из лофта ухал за спиной, как чужое сердце. Я вёл её за руку через парковку к машине и чувствовал спиной взгляды. Пусть смотрят.

У машины она остановилась. Выдернула руку. Резко, как из огня.

— Стой! — сказала она. — Стой, я сказала!

Я остановился.

— Мне не нужна была твоя помощь! — Голос у неё дрожал и звенел одновременно. — Слышишь? Не нужна! Я не просила! Я тебя не звала!

— Да ну? — Я развернулся к ней. — Серьёзно? Не нужна?

— Я бы сама справилась!

— Сама?! — Меня вдруг прорвало. — Ты стояла как статуя, отличница! Как мраморная, мать её, статуя! Он тебя лапал, а ты даже не пискнула! Он бы утащил тебя в туалет, в подсобку, куда угодно — а ты бы так и стояла, хлопала глазами и держала свой дурацкий стакан двумя руками!

Она вздрогнула, как от пощёчины. Я тут же пожалел, что сказал. Каждое слово пожалел. Но слова уже вылетели, как птицы, и обратно их не загонишь.

— Я бы сама, — повторила она. Тише. Сломанным голосом. — Я бы… Я бы смогла.

У меня внутри что-то перевернулось.

— Ладно, — сказал я. Тоже тише. — Ладно. Прости. Сама. Ты бы сама. Конечно. Садись в машину, пожалуйста. Ты дрожишь вся.

— Нет.

— Аня. Холодно. Октябрь. Ты в платье без рукавов. У тебя губы синие.

— Почему?

— Что «почему»?

— Почему ты подошёл?! — Она шагнула ко мне. Ближе. Теперь мы стояли у задней двери, и свет фонаря падал ей на лицо, и я видел, что глаза у неё блестят. Но она не плакала. Она держалась изо всех сил, я видел, как ходит у неё горло. — Ты неделю, Марк. Неделю! Делаешь вид, что меня не существует. Ты смотришь сквозь меня, как сквозь стекло. Ты

не можешь подвезти меня до универа, потому что мне, видите ли, «полезно гулять». Ты при всех сказал, что я приложение! А теперь ты вдруг…

— Я не говорил при всех. Мы были на кухне одни.

— Не придирайся к словам! — закричала она. По-настоящему закричала, на всю парковку, и какая-то парочка у соседней машины испуганно обернулась. — Не смей придираться к словам, когда я спрашиваю тебя! Почему?! Ответь мне! Почему ты подошёл?!

Я молчал.

Я не знал ответа. Вернее, знал, но этот ответ был неправильным. Он был таким неправильным, что я не мог позволить ему прозвучать даже у себя в голове.

— Потому что тебя некому защищать, — сказал я наконец. — Вот и всё. Твой отец умер. Мой отец — не твой отец. Твоя подруга бросила тебя через пять минут. Кто-то же должен был. Вот и всё, Аня. Ничего больше.

— Неправда.

— Правда.

— Неправда! — Она ткнула меня пальцем в грудь. — Тогда зачем ты сказал «она со мной»? А? Мог бы сказать «она моя сестра». Это было бы логично, это было бы нормально, все бы поняли! Брат защищает сестру! А ты сказал «со мной». Я слышала. Я всё слышала, Марк. Ты сказал «со мной».

Чёрт. Она слышала. Она запоминает слова. Она запоми-

нает каждое слово, как будто записывает.

— Садись в машину, — сказал я сквозь зубы.

— Нет! Не сяду, пока ты не ответишь!

— Аня, твою мать, садись в машину!

— Не сяду! Хоть до утра здесь простою! Хоть замёрзну! Ответь мне!

Я не знаю, что на меня нашло. Нет, знаю. Знаю. Она стояла передо мной в синем платье, которое никогда не надевала, она дрожала от холода и от того, что только что случилось, она кричала на меня на парковке, как никто никогда не кричал, и она требовала от меня правды, как будто имела на неё право.

Я сделал шаг. Она отступила. Спиной упёрлась в кирпичную стену лофта рядом с машиной. Я поставил ладонь на стену рядом с её головой. Кирпич был ледяной и шершавый. От неё пахло яблоком и холодом.

Она замолчала. Сразу. Как будто у неё кончился воздух.

Она не отвела глаз. Она никогда не отводит глаз. Это меня бесило с первой секунды на кухне. Все отводят. Отец отводит. Лера отводит, когда врёт. Мать отвела, когда последний раз целовала меня в макушку в то утро, и я тогда не понял, почему.

А эта — нет.

— Хочешь знать почему? — Голос у меня был хриплый, чужой, как будто кто-то другой говорил моим ртом. — Правда хочешь?

— Да, — прошептала она.

— Потому что, когда он тебя трогал, я хотел его убить. — Я наклонился ближе. Её дыхание касалось моего подбородка, частое, горячее. — Понимаешь? Не ударить. Убить. Голыми руками. Прямо там, при всех, на глазах у всего твоего второго курса. Не потому что ты моя сестра. Ты мне не сестра. Слышишь? Ты мне никто. Ты чужая девчонка, которая спит в комнате моей матери, заводит по утрам дурацкие мужские часы и читает в электричке, пока я проезжаю мимо.

— Тогда почему? — прошептала она. Губы у неё дрожали. — Почему, Марк?

Я смотрел на её губы. Я не должен был смотреть на её губы.

— Потому что ты моя, — сказал я.

И сам услышал, что сказал.

Глава 5. На пороге

Аня

— Садись в машину, — сказал он после целой вечности. Хрипло. Почти умоляюще. — Пожалуйста, Аня. Просто сядь.

И отошёл. Убрал руку со стены, отступил на шаг, потом ещё на один. Как будто между нами только что взорвалось что-то, и он проверял, не ранен ли.

Я села. Он сел. Завёл мотор. Включил печку на полную, и в лицо мне ударил горячий воздух, пахнущий пылью.

Мы выехали с парковки. Я смотрела в окно на мокрые огни Бауманской и пыталась понять, что сейчас было.

«Потому что ты моя».

Я хотела достать блокнот и записать это. Прямо сейчас. Чтобы потом перечитать и убедиться, что мне не показалось.

— Что это значит? — спросила я, когда мы выехали на Третье кольцо. Голос у меня был чужой, тонкий. — Марк. То, что ты сказал. Что это значит?

Он не ответил. Включил поворотник. Перестроился. Как будто меня в машине не было.

— Марк! — Я повернулась к нему всем телом. — Не делай вид, что не слышишь! Ты только что прижал меня к стене и сказал, что я твоя! Что это значит?!

— Это значит, что ты моя ответственность, — сказал он,

глядя на дорогу. Ровным, мёртвым голосом диктора, читающего прогноз погоды. — Ты живёшь в моём доме. Если с тобой что-то случится, отец меня убьёт. Твоя мать будет рыдать. Мне это не нужно. Мне не нужны рыдающие люди за завтраком. Вот и всё.

— Ты сказал не так. — Я сжала кулаки на коленях. — Ты сказал совсем не так, и ты это знаешь!

— Я сказал так, как сказал. — Он наконец посмотрел на меня. Коротко, зло. — Не придирайся к словам, отличница.

Он вернул мне мою же фразу. Как пощёчину. Я отвернулась к окну и до боли закусила губу, чтобы не заплакать при нём.

Сорок минут мы ехали молча. Радио он не включил. Я слышала, как он дышит. Ровно, слишком ровно, как дышат, когда считают вдохи. Один раз, на светофоре, я посмотрела на него украдкой. Он сжимал руль так, что побелели пальцы, и пластырь на костяшках отклеился с одного края.

У дома он заглушил мотор и не стал выходить.

— Иди, — сказал он.

— А ты?

— Я посижу.

— Ты замёрзнешь.

— Аня. — Он закрыл глаза. — Иди. Я тебя очень прошу. Просто иди в дом.

Я вышла. У двери обернулась. Он сидел в тёмной машине, откинув голову на подголовник, и в его руке что-то поблёс-

кивало. Щёлк. Крышка зажигалки. Щёлк.

Вот что я слышала за стеной.

* * *

Мама и Виктор спали. Я прошла на цыпочках по прихожей, поднялась по лестнице, пропустила третью ступеньку — она скрипит, я уже знала. Закрыла дверь.

Сняла платье. Повесила его обратно в шкаф. Подумала и сняла бирку, которую так и не отрезала. Синее платье больше не было «на всякий случай».

На талии, там, где лежала рука того парня, кожа горела. Не болела, просто горела, как от крапивы. Я долго стояла под душем и тёрла это место мочалкой, пока кожа не покраснела по-настоящему. Потом надела самую закрытую пижаму, какая у меня была, с длинными рукавами, залезла под одеяло и открыла блокнот.

Записала:

«Она со мной».

«Потому что ты моя».

Ручка зависла над бумагой. Я дописала:

Он сказал, что я ему никто. И сразу после этого — «моя». Одно из двух — неправда. И мне страшно, какое именно.

Я закрыла блокнот и положила под подушку. Это детская привычка. Папа смеялся, говорил, что я сплю на своих секретах, как дракон на золоте.

Внизу хлопнула входная дверь. Шаги на лестнице. Он не

пропустил третью ступеньку. Она скрипнула громко и отчётливо, и потом шаги остановились.

У моей двери.

Я лежала и не дышала.

Шаги не уходили. Секунда, пять, десять. Я видела полоску света под дверью и тень посередине: две ноги. Он стоял там.

Я села на кровати.

— Я не сплю, — сказала я. Тихо, но так, чтобы он услышал. — Марк. Я знаю, что ты там. Я не сплю.

Тень дёрнулась. Пауза. Потом ручка двери медленно повернулась, и дверь открылась наполовину.

Он не вошёл. Остался на пороге, держась рукой за косяк. Рубашку он расстегнул на две пуговицы, волосы были мокрые, как будто он сунул голову под кран. Свет из коридора падал ему в спину, и лица почти не было видно.

— Я не захожу, — сказал он. — Видишь? Я на пороге. Ни шагу дальше.

— Я вижу.

— Ты же сказала — не заходить. Я не захожу.

— Это ты сказал «не заходи», Марк. — Я невольно улыбнулась сквозь ком в горле. — Ко мне. В свою комнату. В первую ночь. Это были твои правила.

— Неважно. Чьи угодно. — Он помолчал. Потом спросил совсем другим голосом, тихо, неловко, как будто эти слова царапали ему горло: — Ты в порядке?

Вопрос был такой простой, что я растерялась. Никто не

спрашивал меня об этом с тех пор, как я переехала. Мама спрашивала «как тебе дом», «как тебе учёба», «как тебе Виктор». Никто не спрашивал «ты в порядке». Даже Даша. Даже я сама себя.

— Да, — сказала я. Автоматически. Как говорю маме. Потом подумала. И вдруг слова полились сами, я не успела их остановить: — Нет. Нет, Марк, я не в порядке. Я не смогла пошевелиться. Понимаешь? Совсем. Он держал меня, а я стояла, как кукла. Я столько раз читала, что надо делать. Я статью об этом писала, представляешь? «Как защитить себя». С пунктами. А когда дошло до дела — я просто… Я думала, что смогу. А не смогла. Я ничего не смогла.

— Это нормально.

— Нормально?! — Голос у меня сорвался. — Это не нормально! Это ужасно! Если бы тебя там не было…

— Это нормально, — повторил он жёстче, почти зло. — Слышишь меня? Так бывает. Тело само замирает. Это не ты виновата. Это не слабость. Это не глупость. Это просто так устроено, и всё. Я… — Он запнулся. Сжал косяк. — Я видел такое. Один раз. Давно.

— Где?

Он не ответил. Только отвернулся.

Я встала с кровати. Подошла. Не вплотную. Остановилась в двух шагах, босиком на холодном полу. Теперь я видела его лицо. Оно было усталым. Не злым, не надменным, как на кухне. Просто усталым, как у человека, который давно не

спал по-настоящему.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что подошёл. Правда. Спасибо.

— Не за что.

— Есть за что, Марк. Не надо так. Есть.

Он смотрел на меня. На мою дурацкую пижаму с длинными рукавами. На мои руки, которые я скрестила на груди, потому что было холодно. На лицо. Долго. Как будто запоминал.

— Я не могу, — сказал он вдруг.

— Что не можешь?

— Делать вид. — Он провёл рукой по мокрым волосам, и вода капнула ему на воротник. — Я неделю делаю вид, что тебя нет. Ты понимаешь, как это сложно? Езжу в семь двадцать, чтобы не ехать с тобой. Ем, не поднимая глаз, чтобы не смотреть, как ты ешь. Как ты смешно дуешь на чай. Как ты заправляешь волосы за ухо, когда читаешь. Ночью лежу и слушаю, как ты там шуршишь за стеной, как вздыхаешь, как говоришь «спокойной ночи, пап», — и твержу себе, что ненавижу тебя. Как мантру. Ненавижу, ненавижу, ненавижу. Потому что ты здесь, в её комнате. А твоя мать — в её спальне. И это всё неправильно, всё, от начала до конца. Я должен тебя ненавидеть. Это было бы честно. Это было бы правильно по отношению к ней.

Я не дышала. Совсем.

— И? — прошептала я.

— И я не могу, — сказал он тихо. Так тихо, что я едва расслышала. — Больше не могу притворяться, что ненавижу тебя. Не получается. Ни черта не получается.

Мы стояли так, на пороге, по разные стороны невидимой линии. Мне казалось, что если я сделаю ещё шаг, пол подо мной провалится.

Я сделала шаг.

Он отступил. Назад, в коридор. Сразу же, как будто я подошла к нему с огнём.

— Поэтому, — сказал он, и голос снова стал холодным, как на кухне, как в машине, как всю эту неделю, — держись от меня подальше, Аня. Я серьёзно.

— Почему?! — вырвалось у меня. — Почему, Марк? Ты только что сказал…

— Потому что я не умею по-другому! — Он почти крикнул и тут же осёкся, оглянувшись на лестницу. Продолжил шёпотом, яростным, отчаянным: — Всё, к чему я прикасаюсь, уходит. Или ломается. Всё. Всегда. Мать ушла. Отец сломался. Лера… Неважно. — Он взялся за ручку двери. Пальцы у него дрожали. — Ты не хочешь быть следующей. Поверь мне. Не хочешь.

— Ты не знаешь, чего я хочу! — Я тоже шептала, но мне хотелось кричать. — Не смей за меня решать!

Он посмотрел на меня долго. Так, что у меня зашумело в ушах и подогнулись колени.

— Знаю, — сказал он. — Я знаю, Аня. В том-то и дело.

И закрыл дверь.

Я стояла перед закрытой дверью и слушала, как он уходит к себе. Как скрипит его кровать. Как через минуту за стеной начинается: щёлк. Щёлк. Щёлк.

Я прижалась лбом к двери. Дерево было прохладное.

— Дурак, — прошептала я. — Какой же ты дурак, Марк Волков.

За стеной щелчки на секунду прекратились. Как будто он услышал.

Потом начались снова.

Я вернулась в постель, достала из-под подушки блокнот и записала его слова полностью, все до одного. Заснула я только под утро, с ручкой в руке, и мне снилось, что я иду по бесконечному коридору, где все двери закрыты, кроме одной.

И на пороге этой двери кто-то стоит.

* * *

В субботу он уехал до того, как я проснулась.

В воскресенье его не было весь день. Вечером Виктор сказал, что Марк ночует у Влада.

В понедельник в семь пятнадцать синяя машина стояла у ворот.

Я вышла. Стекло опустилось.

— Садись, — сказал Марк. — Сегодня ты поедешь со мной. И завтра. И послезавтра. И всю неделю. И всю следующую. Без разговоров.

— Ты же сказал держаться от тебя подальше, — сказала

я. Не двигаясь с места. — Определись уже, а?

— Шевцов учится в нашем корпусе, — сказал он, глядя в лобовое стекло. — На третьем этаже. Каждый день. Так что садись. И потому что я так решил. Всё.

— «Потому что я так решил», — передразнила я. — Ты хоть слышишь себя?

— Слышу. Садись, отличница. Опоздаешь — твоя первая пара тебя не дождётся.

Он не смотрел на меня. Смотрел в лобовое стекло. Но у него дёрнулся уголок рта. Совсем чуть-чуть.

Я села.

Глава 6. При всех

Марк

Видео разлетелось к понедельнику.

Тридцать две секунды, снятые с чьего-то телефона, вертикально и криво. Бас, мигающий свет, Шевцов, моя рука на его запястье. Звука почти не слышно, только моё «она со мной» в самом конце, и то если знать, что там.

Влад показал мне его на парковке, пока Аня шла к своему корпусу.

— Сорок тысяч просмотров в «Подслушано», брат. Сорок! — Влад листал комментарии с таким наслаждением, будто читал письма поклонниц. — Слушай, слушай: «Волков защищает сестричку, я плачу». «Сводные — это новые родные». «Я бы тоже хотела такого брата, можно мне одного». И мой любимый. — Он поднял на меня глаза, сияя. — «А он точно ей брат?» Сто двенадцать лайков, Марк. Народ не дурак.

— Удали.

— Я? — Влад прижал руку к сердцу. — Это не мой канал, дорогой. Я тут просто скромный зритель.

— Мне всё равно, чей. Найди, чей, и пусть удалят. Сейчас.

— Ага. Конечно. Позвоню администратору интернета.

Влад убрал телефон и закурил. Я смотрел, как Аня поднимается по ступенькам журфака. Рыжая подруга догнала её,

повисла на плече и что-то затараторила, размахивая руками так, будто дирижировала оркестром. Аня покачала головой. Не обернулась. Ни разу.

— Ты понимаешь, что Лера это видела? — спросил Влад уже без улыбки.

— Мне плевать на Леру.

— Тебе было не плевать на Леру восемь месяцев.

— Мне было удобно с Лерой. — Я пожал плечами. — Она красивая, ей ничего от меня не нужно, кроме фоток в инстаграме, и она не задаёт вопросов. Это не одно и то же, что «не плевать».

Влад выпустил дым колечком. Он умеет делать колечки, это его единственный талант кроме вождения.

— Знаешь, что самое смешное? — сказал он, глядя, как колечко тает в воздухе. — Ты правда сам не понимаешь, что с тобой происходит. Вот это реально смешно. Двадцать лет, умный, красивый, Колесников на тебя молится, — а дальше своего носа не видишь.

— Со мной всё нормально.

— Конечно, нормально. — Он хлопнул меня по плечу. — Ты в пятницу при сорока свидетелях чуть не сломал руку сыну замминистра за девчонку, которую неделю назад называл «приложением». Абсолютно нормально. Всё в порядке. Пошли, у нас Колесников. Опоздаем — он заставит нас чертить лестницы до пенсии. Винтовые. В трёх проекциях.

* * *

Колесников, наш преподаватель по архитектурному проектированию, ненавидел опоздания, ноутбуки и слово «креативно». Он разрешал работать только карандашом, и в мастерской на четвёртом этаже пахло графитом и кофе из автомата.

Мы проектировали жилой дом. Свой. Каждый — свой, «дом, в котором вы хотели бы жить через двадцать лет». Колесников говорил, что по таким проектам он видит людей насквозь, как рентгеном.

У Влада был особняк с гаражом на шесть машин и бассейном на крыше. У Леры, которая училась с нами, но приходила через раз, — что-то белое и стеклянное, похожее на дорогой холодильник.

Мой лист был пустой уже месяц.

Я сидел над ним и не знал, с чего начать. Каждый раз, когда я пытался представить дом, где хотел бы жить, я видел мамину мастерскую. Стену цвета «закат над морем». И потом сразу — пустую кухню и отца с пустой чашкой.

— Волков. — Колесников остановился у моего стола и посмотрел на белый лист поверх очков, как на личное оскорбление. — Опять ничего? Третью неделю подряд?

— Думаю, Аркадий Семёнович.

— Думать надо было в сентябре, Волков. В сентябре! Сейчас октябрь. Скоро ноябрь. Потом сессия. Потом я вас всех отчислю и пойду на пенсию разводить пчёл. — Он постучал пальцем по чистому листу. — Знаешь, в чём твоя беда? Ты

талантливый, это я тебе как старый ворчун говорю. Но ты пытаешься нарисовать дом. Стены, крышу, окна. А надо нарисовать человека, который в нём живёт. Понимаешь? Человека. Дом — это просто одежда для жизни. Не больше. Нарисуй жизнь — дом нарисуется сам.

Он ушёл к следующему столу. Я посмотрел на лист.

И взял карандаш.

Через сорок минут на листе не было дома. Там были руки. Тонкие, держат стакан. Двумя руками, потому что страшно. На запястье — тяжёлые мужские часы, слишком большие, болтаются.

Я смотрел на рисунок и чувствовал, как у меня горят уши.

— О-о-о, — протянул сзади Влад, заглядывая мне через плечо с таким восторгом, будто нашёл клад. — А это что у нас такое? Концепт фундамента? Несущие конструкции? Ой, какие изящные несущие конструкции. С часиками.

Я перевернул лист так резко, что чуть не порвал.

— Ещё слово, Громов.

— Молчу-молчу. — Влад поднял руки. — Нем как могила. Как фундамент. Как несущая стена.

* * *

После пар я ждал её у машины.

Она вышла из корпуса в шесть. Не одна. С ней шёл парень в круглых очках и свитере с оленями, с большой камерой на шее. Он что-то рассказывал, размахивая руками, она улыбалась. Он открыл ей дверь, пропустил вперёд. Она ска-

зала «спасибо», я видел по губам. И улыбнулась ему. Тепло. Так, как ни разу не улыбалась мне.

Олень. С фотоаппаратом. Отлично. Просто прекрасно.

— Белов, — сказал Влад, проследив за моим взглядом. — Кирилл Белов. Фотограф их газеты. Безобидный, как плюшевый медведь. Мухи не обидит. Говорят, он плакал, когда у него кактус засох.

— Я не спрашивал.

— Ага. Ты не спрашивал. — Влад покосился на меня. — Ты сломаешь себе зубы, если будешь так сжимать челюсть. Расслабься, Волков. У тебя на лице написано «сейчас убью оленя». Крупными буквами.

Аня увидела нас и пошла к машине. Олень постоял, помахал ей и ушёл обратно в корпус.

А потом я увидел, как от компании у входа в столовую отделяются трое. Парни с нашего потока. Я знал их, мы пересекались на физкультуре. Один из них, Гоша, громко и весело крикнул через весь двор:

— Волко-о-ов! Сестричку встречаешь? Смотри, не перепутай, где родная, где сводная! А то мало ли!

Двор засмеялся. Человек пятьдесят, не меньше. Курили у входа, сидели на скамейках, стояли с кофе. Кто-то уже поднял телефон.

Аня остановилась посреди двора. Метрах в десяти от меня. Она слышала. Лицо у неё стало каменным, как тогда на кухне. Подбородок вверх. Она пошла дальше, к машине,

медленно и ровно, как по канату.

Я знал, что надо сделать. Сесть в машину. Открыть ей дверь. Уехать. Через неделю все забудут.

— Эй, сестрёнка! — заорал ещё кто-то, кажется, Гошин дружок. — А он тебе сказки на ночь читает? Или сразу без сказок, а?!

Опять смех. Громче. Грязнее.

Аня шла. Глаза у неё блестели. Она не плакала. Она никогда не плачет при людях, я это уже понял. Она плачет потом, ночью, тихо, в подушку, чтобы мать не слышала. Я слышал два раза. Стена тонкая.

У меня внутри что-то оборвалось.

Я отлепился от машины и пошёл ей навстречу.

Мы встретились посреди двора. Она подняла на меня глаза, огромные, испуганные. «Что ты делаешь?» — спросили её губы без звука.

Я ничего не сказал. Я взял её лицо в ладони — холодные щёки, она замёрзла, пока шла, — наклонился и поцеловал её в висок.

Не в губы. В висок. Туда, где под кожей бился пульс. Он бился как сумасшедший. Под моими губами. Как пойманная птица.

Двор замолчал.

Я держал её так секунду. Может, две. Может, вечность. Потом отпустил, взял за руку и повёл к машине. Мимо Гоши, который стоял с открытым ртом. Мимо скамеек. Мимо

телефонов.

У машины я открыл ей дверь. Она села. Я обошёл машину, сел за руль. Влад остался снаружи, прислонившись к капоту. Смотрел на меня через стекло и медленно качал головой с выражением человека, который выиграл ставку всей своей жизни.

Я завёл мотор.

— Зачем? — спросила Аня. Голос у неё был тихий и очень спокойный. Слишком спокойный. — Зачем ты это сделал, Марк?

— Чтобы они заткнулись.

— Ты с ума сошёл? — Спокойствие треснуло, как лёд. — Теперь они заговорят ещё больше! Ты понимаешь? Теперь это будет везде! В каждом чате! Каждая собака в универе будет знать!

— Пусть. — Я выехал с парковки. — Пусть говорят. Пусть хоть оперу сочинят. Только пусть говорят про меня. Не про тебя. Пусть все думают, что это я псих. Мне всё равно. Мне не привыкать.

Она молчала. Я видел в зеркале заднего вида, как двор оживает: люди переглядывались, кто-то показывал на нашу машину пальцем, кто-то смеялся.

— Тебе правда не всё равно, что они подумают? — спросила она наконец, совсем тихо. — Мы же сводные, Марк. Ты сам понимаешь, как это выглядело? Ты понимаешь, что они теперь будут думать?

— Сводные, — сказал я. — И что?

— И то, что так нельзя!

— Кто сказал? — Я посмотрел на неё. — Кто, Аня? Покажи мне закон. Статью. Пункт. Кто сказал, что нельзя?

Она открыла рот. Закрыла. Не ответила. Отвернулась к окну.

Но я видел её отражение в стекле. Она трогала пальцами висок. То место. Медленно, осторожно, как будто проверяла, на месте ли оно. Как будто там что-то осталось.

Я смотрел на дорогу и думал, что сделал самую глупую вещь в своей жизни. И что сделал бы её ещё раз. И ещё. Сколько угодно раз.

* * *

Телефон завибрировал, когда мы стояли на светофоре у МКАДа. Сообщение от Леры.

«Красиво. Я записала».

И видео. Двенадцать секунд. Двор, я, Аня, мои руки на её лице. Снято сверху, с балкона второго этажа архитектурного. Лера всегда курит на этом балконе после третьей пары.

Пока я смотрел, пришло второе сообщение.

«Ты пожалеешь, Волков. Вы оба пожалеете».

Глава 7. Забудь

Аня

После поцелуя в висок я две недели жила как на сцене.

На меня смотрели в столовой. В библиотеке. В туалете на третьем этаже две незнакомые девчонки с первого курса замолчали, когда я вошла, а потом одна шепнула другой: «Это она, та самая». Мне подбросили в рюкзак записку: «Сколько стоит переспать с братом?». Я порвала её, не дочитав до конца, и потом полчаса сидела в кабинке, обхватив колени. Даша нашла автора за два дня, это оказалась подружка Гоши, и Даша сказала ей что-то в курилке — что именно, она мне так и не призналась, — после чего та со мной здоровалась первой и очень вежливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.